

УДК 81'42: 22-1 (476)=161.1

UDC 81'42: 22-1 (476)=161.1

**РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ**

**REALIZATION OF THE CATEGORY OF
INTERTEXTUALITY IN THE MODERN
RUSSIAN-LANGUAGE POETIC
DISCOURSE OF BELARUS**

Е. П. Жиганова,

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

E. Zhiganova,

*hD in Philology, Associate Professor of
the Department of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 17.04.21.

Received on 17.04.21.

Статья посвящена анализу категории интертекстуальности в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Выявляются особенности реализации текстовых включений, составляющих реминисцентное поле, – аллюзии, парафразы, аппликации и цитаты. Устанавливается специфика прецедентных текстов, к которым отсылают интертекстуальные включения.

Ключевые слова: интертекстуальность, дискурс, прецедентный текст, реминисцентное поле, аллюзия, парафраз, аппликация, цитата.

The article is dedicated to the analysis of the category of intertextuality in the modern Russian-language poetry of Belarus. It reveals the features of realization of text inclusions which constitute the reminiscient field – allusions, paraphrases, applications and quotations. It establishes the specificity of precedent texts to which the intertextual inclusions refer.

Keywords: intertextuality, discourse, precedent text, reminiscient field, allusion, paraphrase, application, quotation.

В современной литературе интертекстуальность является одной из значимых стратегий создания художественного текста. С точки зрения функциональности, включение в новый текст уже написанного ранее не только демонстрирует авторское мировоззрение, уровень его развития и широту взглядов, но и привносит в текст новые смыслы. Мы сошлемся на определение, данное этому явлению В. Е. Чернявской, которая полагает, что «интертекстуальность выступает как текстовая категория и особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами» [1, с. 55].

В статье рассматриваются текстовые включения, использование которых позволяет выявить как степень влияния национальных литератур (русской и белорусской) на современную русскоязычную поэзию Беларуси, так и вовлеченность ее в мировой литературный контекст. В качестве типов интертекстуальных включений выделяются следующие элементы реминисцентного поля: цитата, аппликация, парафраз и аллюзия. В свою очередь, тексты, отсылки к которым реализуются посредством этих включений, определяются как прецедентные тексты, основными чертами которых, согласно определению Ю. Н. Караулова, является хрестоматийность, общеизвестность, эмоциональная и познавательная ценность, реинтерпретируемость, проявляющаяся в их многократной воспроизводимости в различного рода текстах и дискурсах [2, с. 217].

Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова» (Минск, 2019, в 2 томах) [3]. Корпус материалов составил свыше 200 текстовых включений, в числе которых 134 аллюзии, 31 цитата, 27 парафраз, 23 аппликации.

Наиболее частотной формой текстового включения в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси является аллюзия. Это одно из наиболее сложных реминисцентных включений, поскольку аллюзия представляет собой лишь ассоциативную отсылку к прецедентному тексту и предполагает частичное, неточное его воспроизведение. По мнению В. Д. Старичёнка, «аллюзия – это стилистический прием выражения подтекста, заключающийся в косвенном соотношении предмета речи с общеизвестным историческим, мифологическим, литературным или другим фактом, событием» [4, с. 37].

Довольно часто эксплицитные маркеры при аллюзиях не используются, поэтому их выявление зависит от уровня подготовки читателя. Например, в четверостишии «*В нежных розах, как робкие лани, / Золотистые косы плетут / Не один очарованный странник / Сердце страстное выплеснул тут*» (Т. Бирченко «Старой музыки томный мотив») прецедентным текстом является название произведения Н. Лескова «Очарованный странник»; в тексте «*У ночи было много дел: / Луна, как медная, блестяла, / Мороз скрипел, а снег хрустел, / Темно-лиловый, ярко-белый*» (А. Тихонова «У ночи было много дел...»), прецедентный текст –

А. С. Пушкин «Зимнее утро»; «С обжигающим знаком беды / На распаханном жизнью лице» (А. Дракохруст «Василь») прецедентным текстом является название повести В. Быкова «Знак бяды». В строках Н. Наместникова «Спят, а во сне себя видят лягушками. / Да не простыми – / а только царевнами» прецедентным текстом можно назвать фрагмент русской народной сказки «Царевна-лягушка».

Достаточно часто средством выражения аллюзии может быть прецедентное имя или прецедентный топос, благодаря которым определяется текст-источник. В проанализированных нами произведениях большая часть подобных аллюзий связана с Библией: «Там первые цари – **Саул, Давид** / И сын Давида – мудрый **Соломон**... / Там **Яков** с лестницей уперся в небосвод. / Там **Моисей** великий – там исход» (Д. Симанович); «Из греха, как из реки, / яблоко **Адама** / в перламутровом нутре / на руки попало» (О. Агапонова); «Все мы с грешком первозданной девы, / Гены соблазна – наследство **Евы**» (В. Осипова); «Где, как пыль, по степи седой / Век за веком прошли и канули, / Уровняв пред последней страдой / Жертву **Авеля** с жертвой **Каина**» (Е. Агина) и др.

Еще одним частотным прецедентным источником для подобных аллюзий является античная мифология и номинации типа *Пегас, Олимп, Феникс*: «Зря надо мной в эту ночь разлетались **Пегасы**: / Кружат и кружат, будя седокудрий **Олимп**» (Т. Шпартова); «Нет ни войны, ни колючей ограды. / Окрик – и прошлому нет преграды. / Вспыхнуло снова и вдруг померкло. / Только лишь песня, как **Феникс** из пепла» (М. Боборики); «Я путаю любовь, как нить клубка. / Я для тебя плохая **Ариадна**» (Т. Дашкевич) и пр.

Тексты европейской, в том числе и русской, литературы часто выступают в качестве прецедентных, где аллюзия реализуется посредством использования прецедентного имени или топоса:

«В небо князь **Игорь** взглянул – / мраком ответило солнце» (И. Котляров), прецедентный текст – «Слово о полку Игореве»;

«Мой товарищ; / Неудавшийся князь **Мышкин**, / Этим, видно, и досаден, и несносен... (П. Кошель), прецедентный текст – Ф. М. Достоевский «Идиот»;

«Словно в чужой лазарет, / Кто-то идет в ресторан, / И возвращает билет, / Как **Карамазов Иван**» (А. Жданов), прецедентный текст – Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»;

«Ты был от солнца чист и черен. / Мужчина. Мальчик. Рок. **Печорин**» (Н. Татур), прецедентный текст – М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»;

«Гляжу в окно, а вижу даль мою, / Там девочка по имени Олеся, / Как добрая хозяйка **Полесья** – / В той девочке тебя я узнаю»

(Д. Симанович), прецедентный текст – А. И. Куприн «Олеся»;

«Безмятежного счастья ценнее / Скрип седла на / послушном коне... / **Дульцинея** моя, / Дульцинея, / Вспоминай иногда обо мне!» (И. Бурсов), прецедентный текст – Мигель де Сервантес «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»;

«О, эти вечные миграции / меж небом – пахотой... / мы любим в **Гамлете Горацио**, / а нам заплакать бы» (А. Слащев), прецедентный текст – У. Шекспир «Гамлет» и др.

В поэтическом дискурсе встречаются прецедентные имена и топосы, связанные со славянской мифологией и восточнославянским фольклором: «И **Китеж** ушел в потрясенные воды, / И озеро раной над ним затянулось» (Ю. Фатнев); «И всплывает канувшее в **Лету**, / Даже голос вещего / **Перуна**, / Предрекавший плодородье лету, / Воскрешают колдовские струны» (Б. Спринчан); «Утром **Ярило** суровый / Кровавые брови сведет, / И, солнечно-огнеголовый, / На землю рассвет упадет» (Н. Серов).

Одним из способов экспликации аллюзии являются такие лексические маркеры, как имя автора и/или название прецедентного текста. Подобные включения достаточно часто можно встретить в поэзии Б. Спринчана, И. Котлярова, Ф. Гуриновича:

«И «**Жалейка**» раннего Купалы, / Та, что в память в юности запала, / Всколыхнулась музыкаю строк. / <...> / Я смотрю на венчик василька, / И звучат во мне неотразимо / Строфы Богдановича Максима / Из его священного «**Вянка**» (Б. Спринчан) → Янка Купала «Жалейка», Максим Богданович «Вянок»;

«Что-то пишет в песчаной темнице / На каких-то бумажных клочках... / «**Ав-ва-кум!**» – где-то крикнула птица. / «**Ав-ва-кум!**» – разнеслось в облаках» (И. Котляров) → Аввакум Петров «Житие пророка Аввакума»;

«Я манил ее ржаной коркой – / И она летела через горку, / Будто бы ершовский **Горбунок**» (Ф. Гуринович) → П. П. Ершов «Конек Горбунок»;

«...законы наши – это Библия / только в редакции» (А. Слащев) → Библия и пр.

Цитата представляет собой еще один вид текстового включения, который используется с целью создания нового поэтического образа посредством апелляции к уже известным текстам. Цитата чаще всего является графически маркированной: в тексте используются кавычки, курсив и другие графические знаки, однако лексические и грамматические формы текста-источника остаются неизменными. К числу эксплицитно маркированных цитат можно отнести следующие фрагменты поэтического дискурса:

«И так любо мне под сенью дуба, / Вспоминная Коласа Якуба, / Выдохнуть душой: «Мой

родны кут...» (Б. Спринчан) – назван автор прецедентного текста, используются кавычки;

«*Мы всего лишь шуты, проходимцы, бродяги, невежды. / Мы такие, как есть. Нас нигде уже больше не ждут. / Брат! Одну за другой хороню я надежды, / Брат! От этого больше всего устают*»] (М. Шамякина), прецедентный текст – Саша Чёрный «Интеллигент», в качестве графического маркера используются квадратные скобки и курсив.

К своего рода цитатам относятся эпиграфы, представляющие собой отрывки из прозаических произведений, литературно-критических статей, стихотворные строки, пословицы и поговорки, крылатые выражения. Они позволяют прояснить авторский замысел, основную идею, задать произведению определенный контекст, хотя у них несколько иной способ оформления (кавычки отсутствуют, ссылка на автора располагается ниже эпиграфа справа без скобок). Именно эпиграфы представляют основной конгломерат текстовых включений-цитат в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Приведем несколько примеров:

...звініць і плача май.

А. Куляшоў

А. Драгохруст «На Самарской луке», прецедентный текст – А. Куляшоў «Бывай»;

Ад – это другие.

Ж. П. Сартр

Ф. Ефимов «Растерянность», прецедентный текст – Ж. П. Сартр «За закрытыми дверями» («Другие»);

Вначале было слово...

Евангелие от Иоанна

А. Черная «И будет миг...», прецедентный текст – Евангелие от Иоанна;

Дикой кошкой горбится столица.

О. Мандельштам

В. Мельников «Столица», прецедентный текст – Осип Мандельштам «В Петербурге мы сойдемся снова...»

Наибольший интерес представляют имплицитно маркированные цитаты, которые графически оформлены, но ни автор, ни произведение не названы:

«Бог поругаем не бывает... / Он пребывает и не убывает. / Воскликнул некто: «Умер Бог!» – / И умер сам, а был еще неплох» (А. Чубаров), прецедентный текст – Ф. Ницше «Веселая наука»;

«Все тревожит строка, / что «есть женщины в русских селеньях», / Но пустыют селенья, / И женщин в них, в общем-то, нет. / У столетней старухи / Белесые, редкие брови, / И бесцветный платочек / Опушен до самых бровей. / Но осталось навек, / Что «коня на скаку остановит» (А. Аврутин), прецедентный текст – Н. Некрасов «Мороз, Красный нос».

Подобное введение цитат представляет своеобразную загадку для читателя, которую необходимо разгадать.

Следующей формой текстового включения является парафраза (псевдоцитация или квазичитация), представляющая собой семантически неделимое иносказательное выражение, которое является описательной передаточной формой содержания другого слова или словосочетания. Как правило, при таких текстовых включениях отсутствует графическая маркированность, лексическая и грамматическая формы заимствования могут изменяться. Например, в русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси часто парафразируются пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения:

«*Есть миры, в которых дозволенное Юпитеру / Дозволяется быку*» (А. Габриэль), прецедентный текст – пословица «Что позволено Юпитеру, не позволено быку»;

«*Небытие, лавины снежный ком, / все слижет, как корова языком, / размочит очертания предметов... / Но кто его поймет: в потоке лет / на семь пришедших из пословиц бед, / возможно, мы отыщем семь ответов. / Нам друг от друга нечего скрывать, / Что быть тому, чему не миновать*» (А. Габриэль), прецедентный текст – пословицы «Семь бед – один ответ», «Чему быть, того не миновать».

Использование парафраз предполагает различные виды трансформации прецедентного текста. На лексическом уровне такая трансформация может выступать в следующих формах:

1. Усечение: «*А ты, шальной, бредишь по городу, / Как переходишь реку вброд. / И вспоминается про бороду, / Про седину и про ребро*» (Н. Наместников), прецедентный текст – пословица «Седина в бороду – бес в ребро».
2. Расширение: «*Так не сталь закаляется – так закаляется жесьть*» (М. Шамякина), прецедентный текст – Н. Островский «Как закалялась сталь».
3. Замена одного или нескольких компонентов: «*И жалею, и зову, и плачу. / Только нет ни голоса в ответ*» (Т. Краснова-Гусаченко), прецедентный текст – С. Есенин «Не жалею, не зову, не плачу...»; «*И дольше века длится ночь*» (Е. Самигулина), прецедентный текст – Ч. Айтматов «И дольше века длится день»;
4. Контаминация элементов, предполагающая соединение в структуре одной формы интертекстуального включения двух и более прецедентных текстов: «*Пальцами в небо – и птица убита. / К солнцу ладошкой – осталась без рук. / Веки раскрыла – пустое корыто, / Чаша разбитая, замкнутый круг*» (А. Кузьмичёва), прецедентный текст – фразеологизмы «попасть пальцем в небо», «остаться без рук», «остаться у пустого (разбитого) корыта», «дом – полная чаша», «замкнутый круг».

В поэтическом дискурсе может использоваться аппликация, которая по определению В. П. Москвина, представляет собой «прием, состоящий в использовании автором в качестве «строительных блоков» для собственного текста 1) различного рода устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, поговорок; 2) фрагментов (например, словосочетаний, фраз, стихотворных строк) известного текста без указания на источник» [5, с. 42]. Аппликация как стилистический прием оформляется в виде вставок и вкраплений в текст произведения известных изречений. Чаще всего в аппликациях сохраняются грамматические и лексические формы прецедентного текста, реже – графическое маркирование. Так, фразеологизмы, пословицы и поговорки включаются в поэтический дискурс и становятся средством создания художественного образа:

«Венец творенья – это стало быть / мы все сиятельства, / но человек он с вечной жалобой / на обстоятельства» (А. Славцев), прецедентный текст – фразеологизм «венец творенья»;

«Штабные летописцы тут как тут – / героев тьма – свидетелей не густо, / но свято место не бывает пусто: / и вспомнят, и все даты назовут» (С. Морозов), прецедентный текст – пословица «Свято место пусто не бывает»;

«Все было просто и легко, как «ехал грека через реку», / Но даже в легкости сидел сомнений будущий росток» (А. Габриэль), прецедентный текст – скороговорка «Ехал Грека через реку».

Иногда аппликация представляет собой заимствование из художественного текста, но это включение как бы вплетено в поэтический текст и служит своеобразным «строительным блоком» в ряду других поэтических элементов:

«Сединой оседал в оперенье / Дым Отчества, коим пропах. / Позабудь о свободном паренье / Проживая на птичьих правах»

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси : в 2 т. / редкол.: В. В. Гниломедов [и др.]. – Минск : Беларус. навукa, 2019.
4. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
5. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры : терминолог. слов.-справ. / В. П. Москвин. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 247 с.

(Н. Кислик), прецедентный текст – А. С. Грибоедов «Горе от ума», фразеологизм «на птичьих правах»;

«То напевом былинным, то горьким Отчества дымом / Наполняет пространство, где думаем мы и живем» (И. Бисев), прецедентный текст – А. С. Грибоедов «Горе от ума».

Таким образом, современный русскоязычный поэтический дискурс Беларуси интертекстуален по своей сути, что реализуется посредством различных видов интертекстуальных включений (аллюзии, парафразы, аппликации и цитаты), которые формируют своеобразное реминисцентное поле. Прецедентные тексты отсылают читателя к общеизвестным историческим, мифологическим, литературным или другим фактам и событиям, которые чаще всего оформляются в виде трансформированных цитат из популярных стихотворений, названий литературных произведений, пословиц и поговорок, фразеологизмов, имен литературных и сказочных персонажей. Все они активизируют внимание читателей, служат дополнительной образной характеристикой к уже известным фактам объективной действительности, которые прочно укрепились в литературных традициях. Использование прецедентных текстов способствует преодолению стандартизации, нарушает традиционную систему канонов и позволяет выразить в небольших по объему и несложных по композиции дискурсах собственное видение мира, свою точку зрения на происходящие в современном мире события и факты. Безусловно, в текстах с прецедентными включениями выявляется мироощущение автора, индивидуальная система и собственный «почерк» изложения материала. Текстовые включения в определенной степени свидетельствуют, что современная русскоязычная поэзия Беларуси органично использует мировое литературное наследие и накопившийся опыт в процессе создания новых поэтических текстов.

REFERENCES

1. Chernyavskaya, V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' / V. E. Chernyavskaya. – M. : Librokom, 2009. – 248 s.
2. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Tekst] / Yu. N. Karaulov. – Izd. 6-e. – M. : Izd-vo LKI, 2007. – 264 s.
3. Poeziya russkogo slova : antologiya sovremennoj russkoyazychnoj poezii Belarusi : v 2 t. / redkol.: V. V. Gnilomedov [i dr.]. – Minsk : Belarus. navuka, 2019.
4. Starichenok, V. D. Bol'shoj lingvisticheskiy slovar' / V. D. Starichenok. – Rostov n/D : Feniks, 2008. – 811 s.
5. Moskvina, V. P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi: tropy i figury : terminol. slov.-sprav. / V. P. Moskvina. – M. : Editorial URSS, 2004. – 247 s.